

смотрят, уловляют его, как свинию: свинья бо аще где не ввидет, да рылом тычеть. Тако и пьяный человек». Затем речь снова возвращается от ленивого к пьяному, изображая, как он теряет чувство собственного достоинства: «Пьяный человек, аще в кьи двор не пустять, у тына стоить, послушивая, пиють ли в дворе семь. Вратие, спрашивает у коегождо и человека» (Варлаам, стр. 65). Пьянство разоряет, мастерство отнимает, ведет к нищете: «Княземь и болярюмь землю пуну створяеть, а люди добрых и равных и мастеров в работе счиняеть, от пьянства ох и убожие злое привязуется, пьянство брата с братом сваживает, а мужа отлучает от своая жены». И снова следует напоминание о вреде пьянства для здоровья: «Пьянство ногам болесть створяет, а руки ему дрожат, зрак от очию погибаеть . . . красоту лица изменяеть» (Варлаам, стр. 65).

Так русский проповедник развил, связав неразрывно, обе темы переводной учительной литературы — лени и пьянства. Бытовые сравнения, олицетворение «хмеля» и «убожия», «туги и скорби», т. е. нищеты, сопутствующей ленивому и пьянице, обогатили его обличительную речь элементами живого русского языка и даже его устнопоэтической разновидности. Внешний и внутренний облик лентяя-пьяницы представлен на фоне его бедственной судьбы. Но этот облик должен вызвать у читателя, по мысли проповедника, не сочувствие, а страх уподобиться пропойце. Это скорее предостережение, чем призыв помочь гибнущему от пьянства человеку. Именно потому так сгущены краски в описании судьбы пьяницы и применено унижительное сравнение его со свиньей.

* * *

Среди литературных произведений первой половины XVI в. заметное место принадлежит «наказаниям» митрополита Даниила. Резко консервативное направление всей его церковной и общественной деятельности, жестокость расправы с противниками — все это нашло свое отражение в характеристиках тех, кого он темпераментно обличал в этих «наказаниях». Язвительно-сатирическое описание «ленивых пастырей», вельмож-щеголей, красующихся богатой одеждой и увлекающихся «мирской славой», отдельных человеческих пороков обнаруживают незаурядное литературное мастерство Даниила, его стремление показать возможно убедительнее и «внешняя» и «внутренняя» тех, кто, с его точки зрения, заслуживает самого сурового осуждения. Наблюдательность автора, его умение заглянуть иногда глубоко в «помыслы» и «нрав» человека сказались в некоторых его положительных выводах, в советах, каким должен быть человек.

Даниил усвоил сам и советует своим читателям помнить завет Соломона: «Внимай себе, да избавишися яко серна от тенета и яко птица от пругла». Развивая этот совет, он пишет: «Аще бо кто не внимает себе, сей невесть ни себе, ни иных; внимай же себе, сей весть себе и свою меру познавает же и свою немощь, и где уклоняется и привязуется ум его, и что любит, зрит же и других, и полезная от них приемлет. . . от всех, душа вредящих отвращается».⁵⁹ «Худии и ленивии пастырие», в изображении Даниила, не выполняют своих прямых обязанностей по отношению к пастве; вместо этого «себе упасоша и расшириша чрева своя брашны и пьянствы . . . точию на славу и честь и на упокоение, еже ясти и пити сладостная и драгая и честнейшая, и на тщеславие и пре-

⁵⁹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений, стр. 23. (Далее: Жмакин).